

УДК 343.272

БАРЬЕР ДЛЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА

Константин Викторович Корсаков, ведущий научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Статья посвящена актуальным проблемам применения конфискации имущества как эффективного и оправдавшего себя на практике средства противодействия коррупционным посягательствам. Проанализированы законодательные изменения, напрямую связанные с использованием института конфискации имущества. Сделаны выводы о том, что конфискация имущества в качестве уголовного наказания смогла бы стать надежным барьером для коррупции и адекватным ответом на коррупционное поведение, а также о том, что в части предупреждения коррупции конфискация имущества обладает целым рядом преимуществ по сравнению с другими мерами уголовной ответственности.

Ключевые слова: конфискация имущества; борьба с коррупцией; уголовная ответственность; денежный штраф; уголовное наказание; взяточничество; уголовное законодательство.

BARRIER TO CORRUPTION IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION: CONFISCATION OF PROPERTY

Konstantin Viktorovich Korsakov, leading researcher of the Department of scientific research of the Ural State Law University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article is devoted to the actual problems of the use of property confiscation in Russia today as an effective and justified means of countering corruption encroachments. The author analyzed the legislative changes directly related to the use of the institution of confiscation of property in recent years. It was concluded that the confiscation of property as a criminal punishment could become a reliable barrier to corruption and an adequate response to corrupt behavior, and that in terms of preventing corruption, the confiscation of property has a number of advantages over other criminal liability measures.

Keywords: confiscation of property; fight against corruption; criminal liability; monetary fine; criminal punishment; bribery; criminal legislation.

В уголовно-правовой и криминологической науке о коррупции написано уже немало, причем на всех ее уровнях: диссертационном, монографическом, уровне научных статей и тезисов докладов, научно-публицистическом уровне. Отечественными учеными и специалистами была проделана колоссальная теоретическая и эмпирическая работа, направленная на скорейшее искоренение этого вредоносного явления из жизни нашего общества. Однако проблема коррупции в современной России, как свидетельствует реальность, сохраняется и усугубляется. Между тем коррупция процветает не только в нашей стране, но и во многих других государствах мира. Согласно данным известной неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру Transparency International, объемы мировой коррупции в настоящее время колеблются

в пределах от одного до полутора триллиона долларов США. Немалая часть данной суммы приходится на нашу страну и соседние с ней государства – Украину, Молдову, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Армению, Киргизию и др. [9, с. 14].

В последние десятилетия коррупция из хозяйственной и экономической сфер все больше смещается в политическую область, закрепляясь на разных уровнях власти – федеральной, региональной и местной. Эту тенденцию ряд российских ученых-правоведов и криминологов обозначают «экспансией» во власть, которая таит в себе прямую угрозу нашему конституционному строю, национальной безопасности и суверенитету государства. Как верно отметил В. И. Борисов, в большинстве бывших республик СССР «коррупция стала своеобразным принципом социально-политического устройства, привычным компонентом общественной жизни и активно используемым инструментом в политической борьбе» [1, с. 139]. Вместе с тем нередко высказываются и «капитулянтские» мысли о тщетности и бесполезности какого-либо противодействия коррупции, а правоохранные структуры объявляются заведомо бессильными и неспособными противостоять феномену коррупции даже на уровне сдерживания в социально приемлемых рамках [3, с. 18; 6, с. 60; 13, с. 12–13].

Следует признать тот факт, что коррупция в Российской Федерации из фрагментарного и не столь распространенного в советский период явления превратилась в разветвленную и масштабную систему, обладающую структурным признаком иерархичности (пирамидальности). Данную систему также характеризует такое релевантное свойство, как сращивание бизнеса с коррумпированной властью, которое в первую очередь проявляет себя в том, что вести крупный бизнес в России без коррупционных связей во власти стало попросту невозможным, а получить высокий чиновничий пост и сделать карьеру на государственной либо муниципальной службе без использования материальных ресурсов бизнеса также является весьма проблематичным.

Опасной чертой современной российской коррупции является ее восприятие большинством населения страны не только как данность, с которой приходится считаться, мириться, уживаться и терпеть ее, но и как удобный альтернативный и безотказный способ решения всяческих проблем и нужд в тех случаях, когда закон отсутствует либо не работает [5, с. 9; 11, с. 5–6]. Не случайно коррупцию у нас в стране в метафоричной форме нередко называют некой «смазкой для скрипучих шестеренок государственного механизма» [14, с. 38]. Такое крайне опасное восприятие коррупции породило и усилило как распространенность коррупции на бытовом уровне, так и повсеместное вымогательство взяток со стороны представителей чиновничьего аппарата, в особенности с российских предпринимателей, которые наиболее часто становятся объектами такого рода коррупционных посягательств.

В настоящее время в качестве одного из приоритетных направлений повышения эффективности антикоррупционной деятельности в Российской Федерации выступает обеспечение компенсации причиненного преступниками-коррупционерами материального ущерба, изъятия и обращения в доход государства движимого и недвижимого имущества, которое было приобретено ими на незаконно полученные денежные средства. Все чаще звучат справедливые и обоснованные доводы в пользу мнения о распространении имущественной ответственности чиновников-коррупционеров на то их имущество, в отношении которого возникают одни лишь сомнения в законности его приобретения с учетом финансовых доходов и возможностей конкретного должностного лица [4, с. 22; 15, с. 41].

Тем не менее, на практике имущественная ответственность взяточников и иных коррупционеров по-прежнему продолжает оставаться довольно низкой и явно недостаточной. В частности, согласно валидным статистическим данным, за 2019 г. из 25 млрд руб. денежных штрафов, назначенных судами коррупционерам, судебными приставами-исполнителями было взыскано и поступило в доход государства всего около 40 млн руб. Финансовый ущерб, причиненный государственной казне и потерпевшим по уголовным делам коррупционной

направленности, в 2019 г. превысил 21 млрд руб. Ущерб, добровольно погашенный коррупционерами в 2019 г., составил примерно 3 млрд руб. Органами предварительного следствия были наложены аресты на имущество виновных на сумму чуть более 9 млрд руб.^{*} Все эти цифры говорят сами за себя.

Несмотря на тот факт, что в последнее десятилетие отечественным правоохранительным органам удалось повысить эффективность работы по возмещению причиненного коррупционными преступными посягательствами ущерба, система поиска и фиксации незаконно присвоенного имущества и имущества, подлежащего аресту, а также процедуры, обеспечивающие изъятие такого имущества и своевременное наложение на него ареста, недостаточно оптимальны и результативны. Полагаем, что в связи с этим целесообразно дополнить УПК РФ положениями, предоставляющими возможность следователю, с разрешения руководителя следственного органа, до получения судебного решения о наложении ареста на имущество блокировать счета подозреваемых, обвиняемых и их близких родственников сроком на один месяц. Такой подход мы считаем оправданным ввиду получивших в России широкое распространение случаев вывода денежных средств со счетов фигурантов уголовных дел и их близких родственников – номинальных обладателей этих средств – с целью их утаить от возможной конфискации в будущем после возбуждения уголовных дел по факту совершения преступных деяний коррупционной направленности. Данная мера, применяемая в некоторых государствах, отстаивается как представителями высшего руководства Следственного комитета России (Н. В. Ушаповский и др.), так и рядом ученых-процессуалистов (А. В. Шмонин и др.) [17, с. 28].

Уверены, что сегодня пришло время возвращения в УК РФ конфискации имущества в качестве вида уголовного наказания, а не в виде некой иной меры уголовно-правового характера, которой она сейчас является согласно тексту уголовной кодификации. На первый взгляд нынешний статус конфискации имущества как меры уголовно-правового характера и прежний статус как вида уголовного наказания по существу мало чем отличаются. Однако в процессуальном отношении есть определенные различия, которые снижают эффективность конфискации имущества как уголовно-правового ресурса. Если до изменений, внесенных в 2003 г., конфискация как вид уголовного наказания распространялась на все имущество осужденного, кроме указанного в перечне, содержащемся в Приложении 1 к УИК РФ, и могла быть применена судом при определении меры уголовной ответственности по всем статьям Особенной части УК РФ, то в настоящее время конфискация возможна лишь в отношении денежных средств, ценностей и иного имущества, перечень которого, помещенный законодателем в диспозицию ст. 104.1 УК РФ, носит ограниченный и закрытый характер.

Во многих государствах мира доказательство вины и осуждение за коррупционное преступление автоматически влечет применение государственными органами власти наиболее суровых и самых интенсивных из всех существующих в системе уголовных наказаний санкций – от длительного лишения свободы с конфискацией всего движимого и недвижимого имущества осужденного до смертной казни (Китай, Сингапур) и привлечения к строгой уголовной ответственности членов семьи и близких родственников каждого изобличенного коррупционера (Северная Корея) [7, с. 53; 12, с. 79].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что всяческие послабления, гуманизация и либерализация нашего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в области противодействия коррупции незамедлительно приводят к росту коррупции, должностной и организованной преступности. Так, в 2003 г. из уголовного законодательства была исключена конфискация имущества, а как иная мера уголовно-правового характера конфискация имущества была вновь включена в УК РФ спустя три года – в 2006 г. Не затрагивая вопроса о непоследовательности такого рода законодательных изменений, укажем, что за эти три года «отсутствия» конфискации имущества масштабы коррупционных правонарушений

^{*} Официальный сайт ФССП России. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (дата обращения: 28.11.2020).

в Российской Федерации, с учетом латентных преступлений, существенно разрослись. Также вследствие таких законодательных пертурбаций сложилась абсурдная ситуация, когда у преступника-коррупционера на законных основаниях можно изъять имущество, полученное им лишь по последнему коррупционному эпизоду, однако остальное имущество, полученное в результате коррупционной деятельности в прошлом, почему-то остается в его собственности.

Таким образом, конфискация имущества в статусе иной меры уголовно-правового характера не позволяет предотвращать криминальное обогащение вследствие коррупционных актов в полной мере. Лишение конфискации имущества статуса уголовного наказания не только привело к юридическим коллизиям между российским уголовным законом и международными правовыми актами по борьбе с коррупцией, в которых говорится о применении конфискации имущества к преступникам, совершившим корыстные преступные посягательства, но и породило ситуацию, когда составы преступлений, в результате которых причиняется реальный ущерб либо извлекается доход в крупном либо особо крупном размере, не попали в перечень, содержащийся в ст. 104.1 УК РФ. Это законодательное упущение не только идет вразрез с труднопреодолимой коррупционной ситуацией, сложившейся в России, но и значительно снижает профилактический потенциал конфискации имущества.

Изменение уголовно-правовой системы противодействия преступлениям коррупционной направленности продолжилось новеллами, появившимися в УК РФ в 2015 г. и снизившими минимальную кратность денежного штрафа. Также санкции статей УК РФ были дополнены альтернативными видами уголовных наказаний в виде исправительных работ, а также в виде штрафа в фиксированном размере с назначением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. На законодательном уровне было принято решение – лишение свободы с кратным штрафом в качестве дополнительного наказания назначать по усмотрению суда. Кроме того, была снижена уголовная ответственность за мошенничество, за незаконную банковскую деятельность, за легализацию (отмывание) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, за коммерческий подкуп и пр.

Однако, как демонстрирует правоприменительная практика, начатый и продолжаемый сегодня российским законодателем курс на гуманизацию и либерализацию уголовного закона, который не обошел стороной и сферу противодействия коррупции, к позитивным результатам не привел, а, наоборот, породил такие социальные отношения, когда денежные штрафы за коррупционные преступления превратились в некие откупные платежи в пользу государства, с помощью которых крупные взяточники решают свои проблемы с правосудием и не несут личной ответственности. Именно поэтому замена личной ответственности виновных (в виде лишения свободы, принудительных работ, ареста и пр.) мерами материальной ответственности – штрафами и недавно введенными судебными штрафами – считается нами регрессом в сфере антикоррупционной политики, в особенности с учетом того обстоятельства, что сегодня в большинстве российских регионов судебные решения о конфискации имущества преступников-коррупционеров по разного рода причинам вообще не выносятся.

Применение системы кратных денежных штрафов за коррупционные преступные посягательства породило зафиксированное многими российскими исследователями увеличение размеров взяток, получаемых должностными лицами, желающими таким образом сформировать финансовую подложку для уплаты возможного штрафа и тем самым подстраховаться на случай изобличения, привлечения к уголовной ответственности и назначения такого вида наказания. В частности, в 2017 г. средняя сумма взятки в г. Москве составила 728 тыс. руб., что на 258 тыс. руб. больше, нежели в 2015 г. [16, с. 8]. Использование института кратных штрафов привело также к изобретению субъектами коррупционных преступлений более замысловатых и изощренных схем сокрытия своих преступных доходов для создания видимо-

сти объективной невозможности уплаты лицом денежного штрафа, что тоже было отмечено рядом экспертов и ученых-криминологов [16, с. 69].

Следует отметить, что с целью устранения недостатков в практике применения института конфискации Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». Так, например, были даны следующие важные и повлиявшие на практику применения конфискации имущества разъяснения: арест на имущество может быть наложен, даже если личность подозреваемого или обвиняемого не установлена; полученное в результате преступления и конфискованное имущество его владельцу не возвращается, если он был соучастником преступления, в связи с которым была применена конфискация; средства совершения преступления могут быть конфискованы по делам о преступлениях, перечень которых законодательством не ограничен, однако при этом необходимо установить, что такое имущество находится в собственности обвиняемого; ценности, переданные в виде взятки или предмета коммерческого подкупа под контролем оперативно-розыскных органов, возвращаются их владельцу, если он требовал этого до передачи этих ценностей; в целях конфискации может быть арестовано имущество, находящееся не только у подозреваемого, обвиняемого или лиц, материально ответственных по закону за их действия, но и у других лиц, если имеются достаточные основания полагать, что это имущество получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для совершения преступления.

Обращает на себя внимание и еще одна проблема: после установления имущества, принадлежащего обвиняемому в коррупционном преступлении и его близким родственникам, следственным органам, согласно ст. 73 УПК РФ, необходимо собрать доказательства о том, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, что неизбежно влечет усложнение расследования и увеличение объема работы следователя.

По мнению многих авторов, сейчас крайне сложно вести оперативную разработку систематических коррупционных преступных деяний, совершаемых высокопоставленными должностными лицами, использующими властный ресурс, строгую конспирацию, большое количество посредников, сложные комбинации, знакомства и связи в правоохранительных органах, и трудно доказывать криминальные связи лиц, участвующих в таких преступных группах [2, с. 11; 8, с. 34; 10, с. 15]. В то же время нельзя не признать, что текущая следственно-оперативная практика показывает слабость правовых позиций отечественных правоохранительных органов, отсутствие у них надежных и проверенных источников оперативно-розыскной и контрразведывательной информации и в некоторых случаях недостаточный уровень квалификации действующих сотрудников.

Произведенный нами криминологический анализ правоприменительной практики, сложившейся в сфере установления виновных в коррупционном поведении должностных лиц и привлечения их к уголовной ответственности с назначением конфискации имущества, выявил трудности, связанные с большим объемом работы и процессуальными сложностями в расследовании уголовных дел данной категории. В связи с этим необходимо использовать более быстрые, эффективные и результативные правовые средства и процедуры, которые позволили бы органам правосудия и правопорядка продуктивно бороться с коррупцией и наказывать виновных по всей строгости закона. Как показывает опыт, современные коррупционеры больше всего боятся конфискации в пользу государства всего принадлежащего им и их близким родственникам дорогостоящего и нажитого незаконным путем имущества: коттеджей, квартир, гаражей, яхт, автомобилей, драгоценностей и другого ценного имущества.

Подводя итог, подчеркнем, что в развитии системы мер уголовной ответственности за коррупционные преступления существенную роль должно сыграть скорейшее возвраще-

ние конфискации имущества в текст действующего уголовного законодательства в качестве отдельного вида уголовного наказания за совершение преступлений коррупционного характера. Предметом конфискации имущества должны быть любые ценности, принадлежащие виновному должностному лицу и его близким родственникам, которые не соответствуют их официальным заработкам, за исключением жизненно важных вещей, перечень которых устанавливается государством. Возвращение конфискации имущества в его прежний и некогда утраченный законодательный статус повысило бы предупредительный эффект механизма уголовно-правового воздействия, а также послужило бы упрочнению принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ.

Литература

1. Борисов В. И. Ответственность за преступления коррупционного характера по законодательству Украины // Прокурорская и следственная практика. 1999. № 3–4.
2. Голубев В. В. Квалификация коррупционных преступлений: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2002.
3. Дамаскин О. В. Экономическая преступность и коррупция // Законность. 1996. № 6.
4. Карабанов А. Л., Мелькин С. К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: Волтерс Клаувер, 2010.
5. Клепицкий И. А., Резанов В. И. Получение взятки в уголовном праве России: монография. М.: АРиНА, 2001.
6. Корсаков К. В., Сажаяева М. А. К вопросу о разграничении понятий «подарок» и «взятка» // Российская юстиция. 2018. № 2.
7. Куракин А. В. Предупреждение и пресечение коррупции в зарубежных государствах (на примере США, Канады, ФРГ, Франции, Испании, Португалии, Чехии) // Право и политика. 2002. № 6.
8. Кушниренко С. П., Пристансков В. Д. Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования: практ. пособие. СПб.: Спец. лит., 2004.
9. Ларьков А. Н. Коррупция: состояние и организация системы противодействия // Экономическая преступность и коррупция. М.: НИИ при Генпрокуратуре РФ, 2003.
10. Максимов С. В., Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Коррупционная преступность и борьба с ней. М.: Юрист, 2001.
11. Романов С. А. Готовьте ваши денежки: взяточничество в России. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
12. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003.
13. Симония Н. А. Особенности национальной коррупции // Свободная мысль – XXI в. 2001. № 7–8.
14. Тимергалиева О. Н. Не подмажешь – не поедешь? Безнаказанна ли коррупция в России // Юридический мир. 1999. № 12.
15. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция: очерки теории. М.: РГГУ, 2000.
16. Цаплин А. В., Бакушев В. В. Коррупция: тенденции в мире и России. М.: Информэлектро, 2020.
17. Шмонин А. В. Наложение ареста на денежные средства и иные ценности: тактико-процессуальные проблемы и пути их разрешения // Безопасность бизнеса. 2006. № 2.